

INSPIRIA

18+

рассветы
В
Дженине
Сюзан
Абульхава

INSPIRIA

Сьюзан Абульхава

Рассветы в Дженине

Серия «Loft. Жестокому миру вопреки»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74301771

С. Абульхава. Рассветы в Дженине: ООО «Издательство «Эксмо»;

Москва; 2026

ISBN 978-5-04-251608-5

Аннотация

Палестина, 1948 год. В одно мгновение привычный мир рушится: сотни тысяч людей вынуждены покинуть свои дома. У молодой матери отнимают младенца – и с этого мгновения судьба семьи Абульхеджа раскалывается навсегда.

Лишенные дома, они находят приют в лагере беженцев в Дженине, где пытаются заново собрать свою жизнь из осколков прошлого. Их история разворачивается через судьбу Амаль – девочки, рожденной в изгнании; ее брата, потерявшего все в борьбе за свободу; и сына, украденного в детстве и выросшего по другую сторону конфликта, – солдата, которому суждено стать врагом собственной крови.

Содержание

Словарь	5
Генеалогическое древо семьи Абульхеджа	12
Пролог. Дженин	13
I. Ан-Накба (Катастрофа)	15
Глава 1. Урожай	15
Глава 2. Ари Перлштейн	24
Глава 3. Никудышная бедуинка	31
Глава 4. Когда они ушли	46
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сьюзан Абульхава

Рассветы в Дженине

Susan Abulhawa
Mornings in Jenin

© 2010 by Susan Abulhawa

© Фокина Ю., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Словарь

абла́ Вежливое обращение младших девочек, девушек к старшей по возрасту и/или по положению; букв.: старшая сестра.

абу́ Отец.

азáн Призыв на молитву у мусульман.

аи́да Специальным образом сваренный сахар для депиляции.

Алла́ху а́кбар Бог велик. Эту фразу используют в любых обстоятельствах как напоминание, что Бог превыше всего и ведаёт обо всем, что посылаётся людям, будь то испытание или благословение.

аль-ба'ийя фи хайатик Фраза выражает сочувствие при утрате, дословно значит: «Да продлятся дни твои».

Аль-ха́мду ли-л-Ля́х аля саля́ма Хвала Аллаху за твое благополучное возвращение.

амму́ра Милая, хорошая.

а́мту Тетя с отцовской стороны.

а́мму Дядя с отцовской стороны.

ана́ й́сми Меня зовут.

ари́дж Аромат.

ару́са Невеста.

а́хлян Добро пожаловать.

ахса́н Лучше.

ашхаду алля иля-ха илля-л-Лах, ва ашхаду анна Мухаммадан абдуху ва расулюху Я свидетельствую, что нет другого истинного Бога, кроме Аллаха, и я свидетельствую, что Мухаммад пророк Его.

баба Папа.

Баб Аль-Амуд Дамасские ворота.

баббур Открытый очаг.

бинти Моя дочь.

бисмилля С Богом.

бисмилляхи-р-Рахмани-р-Рахим Во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного.

Вахид Аллах Аллах – единый Бог.

валяди Мой сын.

вуду Ритуальное омовение перед молитвой.

да́бка Буквально – притопывание ногами; это традиционный левантийский танец, исполняемый палестинцами, ливанцами, сирийцами и иорданцами. Мужчины и женщины выстраиваются в линию или собираются в круг и исполняют синхронные движения, которые варьируются от региона к региону.

Даль Уна Широко известная народная песня, а также танец.

джидду Дедушка.

Джумá Пятница. Для мусульман священный день, в который совершается коллективная молитва мусульман – джума-намаз

джубна Сыр.

динар Денежная единица Ближнего Востока.

дишдаша Традиционная длинная одежда мужчин и женщин.

заатар Тимьян. Как правило, его измельчают, смешивают с кунжутом и подают с оливковым маслом и лепешками.

загарид Особое звукоподражание, выраженное длинными громкими трелями; сопровождается быстрым движением языка вперед-назад. Как правило, его издают женщины для выражения большой радости.

игаль Обруч из витого шнура, обычно черный, служит, чтобы удерживать на голове хатту.

Илляхи Боже мой.

ибн Сын.

ибни Мой сын.

интифада Восстание, движение сопротивления на Ближнем Востоке.

иншаллах Если на то есть воля Аллаха.

йа О, ах.

йаба Отец (как обращение).

Йахмики Да хранит тебя (Аллах).

йимми «Мама» на палестинском диалекте.

каак Традиционная выпечка с сыром, тмином и кунжутом, имеет вид длинных рулетов.

караф Гадость; фу.

кахва Бодрящий напиток на основе кофе и пряностей.

кирш Денежная единица, мелкая монета.

китаб Книга.

кна́фе Сладкое блюдо из кадаифской вермишели и сыра, пропитанных сиропом.

куса Фаршированные кабачки.

Коран Святая книга для мусульман.

ку́фия Клетчатый платок, изначально – мужской головной убор, сейчас его часто носят на шее представители всех гендеров. Черно-белый вариант характерен для палестинцев и стал символом палестинской национальной идентичности. Красно-белую куфию носят как палестинцы, так и другие арабы.

Ля иляха илля-л-Ллах Нет Бога, кроме Аллаха.

Ля хауля ва ля куввата илля биллях Нет сохранности от попадания во грех и нет силы для соблюдения повелений Аллаха, кроме как от Аллаха. (Так говорят, чтобы подчеркнуть свое бессилие перед надвигающейся трагедией.)

маалейш Ладно, хорошо.

маклюбе Палестинское блюдо из баранины, риса, баклажанов с корицей и кумином.

манаки́ш Лепешки на оливковом масле с приправой заатар.

мелáсса Сладкий сироп с ароматизаторами, которым пропитывают кальянные смеси.

мулухиййя Похлебка на курином бульоне с чесноком, темная за счет листьев джутового кустарника.

нэй Флейта.

ра́хма Милосердие.

ракаат Цикл молитвы, состоящий из строго определенной последовательности действий и слов.

сабр Терпение; разновидность колючего кактуса.

Салям алейкум Мир тебе (общепринятое приветствие).

Салямат, йахти Здравствуй, сестра.

салья́т Молитва.

санасил Каменная кладка, огибающая холмы, строится, чтобы избежать эрозии почвы.

сауб Верхняя одежда.

сахйуни Сионист.

сура Глава Корана.

табля Небольшой ручной барабан.

табун Большая печь для выпечки хлеба.

тёта Бабушка.

уд Ближневосточный музыкальный инструмент вроде лютни.

умм Мать такого-то (с именем старшего сына).

фади́ха Позор.

фата́йер Хлеб, выпекаемый с сыром либо заатаром на оливковом масле.

Фа́тиха Дословно «Открывающая», первая сура Корана.

феллах Земледелец.

фильс Мелкая монета.

фидаин Повстанец, участник сопротивления.

фуль Паста из бобов или фасоли, обычно употребляется с хлебом.

хабиби Любимый (только в мужском роде).

хабибти Любимая (только в женском роде).

хаджа Уважительное обращение к женщине, пожилой и/или совершившей паломничество в Мекку.

хаджй Человек, совершивший паломничество в Мекку, или просто пожилой уважаемый мужчина.

хаййа аля-с-саят Спешите на молитву (фрагмент азана).

хаййа аля-ль-фалахи Спешите к своему благу (фрагмент азана).

халу Дядя с материнской стороны.

хальту Тетка с материнской стороны.

халява Уваренная в пряном сиропе смесь орехов, сухофруктов, часто с манной крупой.

Хан эль-Зейт Улица в Иерусалиме, в Старом городе.

Хасбийя-л-Лаху ва ни'ма-ль-Вакиль Так мусульмане подчеркивают, что та или иная ситуация находится в ведении одного только Аллаха.

Ха-Тиква Гимн Израиля.

хатта Мужской головной убор.

хиджаб Женский головной платок, закрывающий волосы, но не лицо.

хубз Хлеб.

хумус Традиционная закуска из перетертого нута и кун-

жута.

шаверма Приготовленное на гриле наструганное мясо, завернутое в лаваш, с овощами и соусом.

шахада Формула исповедания веры в исламе.

шахид Мученик.

шейх Особо уважаемый человек у кочевников Ближнего Востока, обычно еще и духовное лицо.

юмма Мама.

эйва Да.

яба Отец.

яхуд Иудей.

Генеалогическое древо семьи Абульхеджа

Яхья Мухаммад Абульхеджа,
в браке с Басимой

Пролог. Дженин

2002

Амаль хотела перехватить взгляд солдата, но в лоб ей упиралось автоматное дуло. Тем не менее она видела, что солдат носит контактные линзы. Ей представилось, как по утрам он приближает к зеркалу физиономию, надевает эти линзы, а уж потом экипируется, чтобы пойти убивать. Поразительно, какие являются мысли, когда оказываешься на нейтральной полосе между жизнью и смертью.

Вот ее, гражданку США, сейчас пристрелят – а последуют ли сожаления на официальном уровне за это «случайное» убийство? Или погибшую Амаль присовокупят к другим жертвам и припечатают брезгливой формулировкой «сопутствующий ущерб»?

По виску солдата, по его скуле и щеке ближе к уху прокладывала себе путь одиночная бусина пота. Солдат сморгнул. Ишь, уставилась. Он убивал и раньше, но никогда – глядя жертве в глаза. И Амаль это поняла. Почувствовала, как смущена его душа тем, что содеяно вокруг.

Снова неуместная мысль: «Как странно, что я не боюсь смерти». А просто, когда солдат сморгнул, Амаль догадалась: она останется в живых.

Возрожденная, она закрыла глаза, даром что сталь еще хо-

лодила ее лоб. Память воззвала к ней, и вот Амаль отброшена в прошлое, и даже дальше — в дом, которого никогда не знала.

I. Ан-Накба (Катастрофа)

Глава 1. Урожай

1941

В давние времена, до того, как по этим нагорьям прошагала маршем История, разрушив настоящее и будущее; до того, как ветер схватил земную скатерть за один угол и дернул, стряхнув с нее имя и неповторимые черты; до того, как пришла в этот мир Амаль, селение к востоку от Хайфы жило спокойно, имея все, что надо, – инжир и оливки, открытые границы и солнечный свет.

Заря еще не занялась, но в Айн-Хауде спали только дети. Остальные жители деревни готовились совершать *саят*, первую из пяти обязательных молитв. Луна висела низко и казалась пряжкой, которой земля пристегнута к небу. Новорожденная, она была словно робкое обещание скорой полноты.

Похрустывали спросонья суставы, вода прогоняла дрему, распахивались в надежде глаза. *Вуду*, ритуальное омовение перед саятом; возносимые в утренней дымке *шахады* – словословия Аллаху, единому Богу, и Мухаммаду, пророку Его.

В тот день молились на воздухе, с особым благоговением –

ведь начинался сбор оливок. А в такой день особенно важно подниматься по каменистому склону с чистыми помыслами.

Вот почему селяне проснулись затемно и теперь, склоняясь и вновь разгибаясь на ковриках, отбрасывали лунные тени, верша молитву под аккомпанемент ночных сверчков и ранних птишек, которые еще только начинали пробуждаться. Скоро, правда, к предрассветному оркестру присоединились и петухи. В основном жители Айн-Хауда просили прощения за грехи, но кое-кто прочел и дополнительную молитву. Так или иначе, каждый произнес следующее: «Господь мой Аллах, да свершится нынче воля Твоя. С благодарностью отдаюсь на милость Твою», прежде чем, высоко поднимая ноги, чтобы не пораниться о кактусы, отправился на запад от селения, к оливковым рощам.

Каждый год в ноябре, пока собирали урожай, селение Айн-Хауд на целую неделю словно молодело. Яхья Абу Хасан тоже чувствовал прилив сил. Он вышел из дома ни свет ни заря с обоими сыновьями, которых привычно соблазнил перспективой опередить соседей. Но соседи лелеяли ту же мечту, и работа началась примерно в пять утра – как и год, и два, и много лет назад.

Обескураженный Яхья обернулся к жене, Басиме, которая несла на голове корзину с полотнищами брезента и одеялами, и шепнул:

– Умм Хасан, на будущий год встанем раньше их. Вот бы мне обойти Салема, этого беззубого старого прохвоста, хотя

бы на один час – всего на часочек!

Басима закатила глаза. Эта блестящая идея посещала ее супруга каждый год.

Постепенно светлел небосвод, и над выбеленными солнцем низкогорьями Палестины все слышнее делались звуки, сопутствующие сбору благородных плодов – оливок. Глухие удары палками по ветвям, шорох листвы, сочные шлепки, с какими оливки падали на расстеленный брезент. И старинные баллады в исполнении женщин, да их же окрики на малышей, когда те, заигравшись, начинали путаться под ногами.

Яхья остановился помассировать затекшую шею. Солнце близко к зениту – скоро полдень. А он, мокрый от пота, крупный, сильный, стоит на своей земле, повязав вокруг головы черно-белую *куфию* и заткнув полы рубашки за пояс на *феллахский* манер. Как хороша его земля! Холмы зелены от мшистых трав, и эти же травы покрывают древесные стволы. Спиральями *санасилов* обвит каждый холм – некоторые санасилы он, Яхья, чинил еще вместе со своим дедом. Он перевел глаза на Хасана и Дарвиша, отметил, как при каждом ударе палкой по ветке напрягаются под рубахами грудные мышцы обоих мальчиков. «Мои сыновья! – подумал Яхья, и сердце его наполнила гордость. – Хасан, хвала Аллаху, кажется, перерос свою астму».

Мальчики подходили к каждой оливе, становились с двух сторон от ствола и начинали сбивать плоды. Их мать следова-

ла за ними, едва успевая утаскивать полотнища с упавшими оливками, которые следовало нынче же отправить под пресс. Яхья видел и Салема, который трудился на соседнем участке. Беззубый старый обормот. Яхья улыбнулся. Салем ведь мо-
ложе, чем он. Если по правде, его сосед обладает мудростью и терпением доброго дедушки – оба эти качества так и светятся на его лице, выдубленном годами труда на открытом воздухе. Совершив паломничество в Мекку, сосед прибавил к своему имени почтительное «хаджи», которое как бы воз-
высило его годами над Яхьей. Вечером два друга будут вместе курить кальян, спорить, кто работал усерднее, чьи сыновья крепче. «За этакое вранье ты в ад попадешь, старик», – непременно скажет Яхья в перерывах между затяжками.

– Это я-то старик? Да ты ведь меня старше, чудила! – возмущится Салем.

– Зато у меня все зубы целы.

– Допустим. Тащи-ка нарды – я покажу тебе, и уже не впервые, кто из нас чего стоит.

– Валяй, балабол беззубый, дохляк, копия своего родителя.

Древняя игра, да под кальян, в этом году вновь решит вечный спор; приятели будут играть в нарды из чистого упрямства, и женам придется не раз и не два посылать за ними, прежде чем они разойдутся по домам.

Довольный сделанным за утро, Яхья совершил полуденный саят и уселся на одеяле, куда Басима уже поставила

миску чечевицы и *маклюбе* с бараниной, а также йогурт. Поодаль она накрыла обед для помощников-кочевников, которые с благодарностью принялись за еду.

– Обед готов! – крикнула Басима сыновьям.

Хасан и Дарвиш как раз закончили салат.

Басима и мальчики, сидя кружком и глядя на дымящийся рис и пиалы с соусами и соленьями, ждали, пока Яхья первым преломит хлеб во имя Аллаха.

– *Бисмилляхи-р-Рахмани-р-Рахим*, – начал отец семейства, и проголодавшиеся мальчики потянулись к рису, политому йогуртом, чтобы комочками отправлять его в рот.

– *Юмма*, лучше тебя никто не стряпает! – воскликнул Дарвиш.

Этот подлиза отлично знал, где у Басимы слабое место.

– Аллах да благословит тебя, сын мой!

Басима просияла и на общем блюде подвинула к Дарвишу один из нежнейших кусков мяса.

– А где мой кусок? – возмутился Хасан.

– А где твоя галантность? – шепнул Дарвиш на ухо старшему брату.

– Держи, милый. – Басима выделила Хасану не менее нежный кусок баранины.

Трапезу закончили быстро – не засиделись, как привыкли, за кофе и *халявой*. Впереди ждала работа. Басима взялась перекладывать оливки в огромные корзины, которые помощникам надлежало отнести в давяльную. А давить масло будут

оба ее мальчика, причем сегодня же – иначе масло выйдет прогорклым.

Но прежде надо было помолиться.

– Перво-наперво вознесем хвалу Аллаху за Его щедрость.

Яхья сказал – как скомандовал и вынул ветхий Коран из кармана своей *дишдаши*. Священная книга досталась Яхье от дедушки, который много лет назад ухаживал за этими оливами. Неграмотный Яхья получал удовольствие, созерцая арабскую вязь; суры же он знал наизусть.

Мальчики, склонив головы, нетерпеливо слушали стихи из Корана; затем, с отцовского разрешения, пустились наперегонки к давяльне.

Басима водрузила на темя корзину оливок, в каждую руку взяла по сумке с посудой и остатками обеда и вместе с другими женщинами, которые так же, как она, не склоняясь под тяжестью, несли на головах вещи, начала спуск с холма.

– Да пребудет с тобой Аллах, Умм Хасан, – крикнул ей вслед Яхья.

– И с тобой, Абу Хасан, – отозвалась Басима. – Не задерживайся.

Оставшись один, Яхья уселся лицом к ветру и поднес к губам *нэй*. Мелодия, лившаяся из круглых отверстий, щеко-тала ему подушечки пальцев. Играть на этом древнем инструменте – разновидности флейты – его научил дед. Вдыхая жизнь в тонкую трубочку, Яхья чувствовал себя неотделимым от своих предков, от бесчисленных урожаев, от этой

земли, от солнца, времени, любви и всего, что есть в нашем мире благого. И, как всегда, уже на первой ноте он закрыл глаза и вскинул брови в извечном изумлении перед волшебством, которое творят эта дудочка, вырезанная вручную, и его собственное дыхание.

Через несколько недель после сбора урожая Яхья и сыновья укомплектовали старенький грузовичок. Главным образом его нагрузили миндалем, инжиром, различными цитрусами и овощами, но также и оливковым маслом.

Эту гору добра Хасан увенчал виноградными гроздьями как самым деликатным товаром.

– Сам знаешь, сын, не нравится мне, что ты едешь в такую даль – в Иерусалим, – заговорил Яхья. – Ведь до Тулькарма всего несколько километров, да и бензин стоит дорого. Даже Хайфа – и та ближе, а рынки тамошние не хуже иерусалимских. Притом никому не ведомо, в каких кустах засел пещий сын сионист и какому ублюдку-британцу взбредет остановить тебя. Зачем же тебе непременно надо в Иерусалим?

Яхья, впрочем, знал ответ.

– Все ради встречи с Ари, так ведь?

– *Яба*, я ему слово дал, что приеду, – сказал Хасан с мольбой в голосе.

– Что ж, ты уже мужчина. Будь осторожен. Пусть твоя тетушка возьмет все, что ей приглянется в этом кузове, да смотри, передай ей, что мы ее в гости ждем, – напутствовал Яхья сына и обратился к водителю, известному всем в селе-

нии и чертами лица выдающему родство с самим Яхьей. – Поезжай, сынок, и да хранит тебя Аллах.

– Да продлит Аллах твои дни, *амму* Яхья.

Хасан приложился губами к отцовской руке, затем поцеловал его в лоб; эти проявления почтительности преисполнили Яхью любовью и гордостью.

– Да взирает Аллах с улыбкой на тебя, сын мой, и да будет тебе защитником во все дни твои, – произнес Яхья, когда Хасан забрался в кузов.

Машина уже трогалась, и вдруг верхом на Гануше, своем обожаемом арабском жеребце, без седла, прискакал Дарвиш.

– Давай наперегонки. Я дам тебе час форы, ведь машина тяжело нагружена, – предложил Дарвиш брату.

– Тебе, Дарвиш, впору с ветром состязаться, а не с этой старой развалюхой. Вперед! Встретимся в Иерусалиме, в доме *амту* Сальмы.

Хасан проследил, как умчался его брат – *хатта* плотно сидит на голове, но ее концы полощутся на ветру, хватая ветер. Лучше Дарвиша никто не держался на конской спине на мили вокруг – а может, и во всей Палестине; Гануш был самым быстрым скакуном из всех, каких случалось видеть Хасану.

Пыльная дорога шла через лесистые холмы, зачарованные ароматами цветущих лимонов и камфорных деревьев, погруженные в безмолвие. Хасан развязал кисет, который ежедневно наполняла Басима, взял щепотку липкой смеси, под-

нес к носу. Сделал вдох, настолько глубокий, насколько позволяли пораженные астмой легкие. Кислород уже распространялся по его венам, когда он открыл одну из книг, что миссис Перлштейн, матушка Ари, велела ему прочесть.

Глава 2. Ари Перлштейн

1941

Ари ждал у Дамасских ворот, там, где четыремя годами ранее мальчики как раз и познакомились. Ари был сыном профессора, который бежал из Германии, страшась нацистов, и обосновался в Иерусалиме. Здесь Перлштейны сняли домик у одного почтенного палестинца.

Хасан и Ари подружились в 1937 году. Дружба завязалась на рынке возле Баб аль-Амуд. С томиком арабских стихов Хасан устроился за повозками, в которых горами лежали фрукты, овощи и помятые жестянки с оливковым маслом. Большеглазый еврейский мальчик, робко улыбаясь и прихрамывая, сделал несколько шагов к Хасану. Хромота была наследием фашизма: нога неправильно срослась, а сломал ее молодчик в коричневой рубашке. Мальчик успел купить большущий помидор; теперь он вынул перочинный ножик, разрезал помидор надвое и половину протянул Хасану.

– *Ана исми* Ари. Ари Перлштейн, – сказал он.

Заинтригованный Хасан принял дар.

– Гу дэй, сэр. Шалом! – сказал он, исчерпав свой запас неарабских слов, и кивнул Ари Перлштейну – мол, садись рядом.

Ари знал несколько фраз на арабском, но общаться вер-

бально мальчишки не могли. Сблизило их чувство собственной неполноценности.

– *Ана исми* Хасан. Хасан Яхья Абульхеджа.

– Салам алейкум, – отвечал Ари. – Что это за книга у тебя? – продолжал он по-немецки.

– Бук, – пояснил, не поняв, Хасан. – Дисис бук.

– Йес, – последовал ответ на английском языке. – *Kutab*.

Бук арабик.

– Йес.

Они засмеялись и вернулись к поглощению помидора.

Так, осененная тенью европейского нацизма и углубляющейся пропастью между арабами и евреями, здесь родилась эта дружба. А невинные двенадцать лет, поэтическое уединение с книгами и равнодушие обоих мальчиков к политике стали ее прочной основой.

Через несколько десятилетий, когда друзей разделила другая война, Хасан рассказал своей младшенькой, Амаль, об Ари Перлштейне.

– Он был мне как брат, – вздохнул Хасан, закрывая книгу – подарок Ари в их отроческую осень.

Хотя со временем Хасан сильно возмужал, в двенадцать лет он был хилым и болезненным. Его легкие при каждом вдохе издавали хрип и свист, что мешало влиться в одну из уличных ватаг. С трудом дышащий и оттесненный на обочину нормальной мальчишеской жизни, он не участвовал в буйных забавах своих сверстников. А хромоногий Ари был в

классе объектом безжалостных насмешек. Хасан и Ари мигом угадали друг в друге эту постоянную готовность ретироваться; каждый уже в раннем возрасте построил себе собственный мир, обрел убежище среди книжных страниц, нашел общий язык с поэтами, эссеистами, философами.

Так одна утомительная поездка в Иерусалим стала желанным еженедельным путешествием, ведь Хасан знал, что Ари ждет его, что они часами будут выговаривать слова «яблоко», «апельсин», «оливка» на арабском, немецком и английском. Ради практики они сочиняли целые фразы: «Лук сегодня по пиастру за фунт, мэм». И, спрятавшись за телегами с овощами и фруктами, тихонько высмеивали юных городских арабов, с их вычурной речью и европейской одеждой, за которыми скрывалось подобострастное восхищение британцами.

Ари даже стал по выходным носить арабский национальный костюм и нередко уезжал в Айн-Хауд вместе с Хасаном. Зачарованный мелодичностью арабских песен и речи, ароматом и вкусом арабских блюд и напитков, Ари выучил язык Хасана и погрузился в культуру его народа, что очень помогло ему через много лет получить место штатного профессора в Еврейском университете в Иерусалиме. Хасан, в свою очередь, выучил немецкий язык, овладел английским настолько, чтобы со словарем прочесть несколько томов из домашней библиотеки доктора Перлштейна, и проникся почтительностью к традициям иудаизма.

Миссис Перлштейн полюбила Хасана; она была благодарна ему за дружбу с Ари. Басима принимала в своем доме юного еврея как родного сына. Хотя эти женщины никогда не встречались лично, они узнали друг друга по рассказам сыновей. Каждый из мальчиков покидал дом друга, непременно навьюченный гостинцами; обоих этот ритуал смущал, но оба сносили его безропотно.

Когда Хасану исполнилось тринадцать – то есть за год до завершения средней школы, – мальчик обратился к отцу с просьбой отпустить его в Иерусалим учиться вместе с Ари. Но Яхья, страшась, как бы образование не отвратило сына от земли (ведь Хасан рано или поздно унаследует ее, чтобы возделывать), был неумолим.

– Что тебе дадут книги? Ничего. Только встанут между тобой и землей. Об учебе вместе с Ари не может быть и речи, вопрос закрыт.

Яхья не сомневался, что принял правильное решение. Но годы спустя отказ ужасал его самого. Как мог он запретить сыну то, чего жаждала его душа? За этот запрет Яхья однажды просил прощения у Хасана. Они ночевали тогда под открытым небом, неподалеку от дома, куда им не суждено было вернуться. Яхья, на старости лет – беженец, униженный нищенством ночлега, потрясенный разрушениями, рыдал на груди у Хасана, который не таил обиду на отца. «Прости меня, сынок. Сам я себя простить не могу», – всхлипывал Яхья.

Именно из-за отцовского запрета, из-за раскаяния и сер-

дечной боли Хасан позднее решит дать образование своим детям, для чего возьмется за тяжелую, плохо оплачиваемую работу. Именно отцовский запрет подвигнет его через годы сказать маленькой Амаль: «*Хабибти*, нам ничего не осталось, кроме знаний. Обещай, что получишь образование, чего бы тебе это ни стоило». И девочка, младшее дитя Хасана, даст такое обещание отцу, которого боготворит.

Хасан, окончивший восемь классов и лишенный привилегии учиться дальше официально, обрел репетитора в лице миссис Перлштейн. К еженедельной порции гостинцев прибавились учебники и домашние задания. Насчет частных уроков Басима и миссис Перлштейн вступили в тайный сговор, желая вывести Хасана из подавленного состояния, в которое его вверг отец своим безапелляционным запретом.

– Здравствуй, брат!

Юноши обнялись, пожали друг другу руки и, по арабскому обычаю, расцеловались в обе щеки. Затем они выгрузили товар и отпустили водителя к уличным торговцам. Они не сразу пошли к Ари домой, а углубились в Старый город, шагали извилистыми мощеными улочками – от Дамасских ворот к аль-Кияме, где из лавчонок и мастерских тянуло запахами мокрой глины, патоки и всевозможных масел, а торговцы зывали к каждому прохожему: остановись, взгляни, отведай! Задевая развешанные кожи и шелка, Ари и Хасан свернули на улицу Хан эль-Зейт. Еще несколько шагов – и

они у цели, готовые угоститься кое-чем особенным. Они – в кафе «Махфуз».

Хасан подозвал официанта.

– Два кальяна со вкусом «медовое яблоко».

– Это вредно для твоих легких, – заметил Ари. – Амму

Яхья знает, что ты куришь?

– Конечно, нет!

Перлштейнам Хасан от имени матери преподнес халяву и кнафе – того и другого по большому блюду.

– Вот, мама прислала, как обычно, – сказал он на немецком языке.

– Спасибо, – поблагодарила миссис Перлштейн.

Вся она – высокого роста, с длинными руками и ногами – была как натянутая струна; Хасан считал, что во внешности этой женщины нет ни намек на ее всеохватывающую доброту. Он смотрел не на миссис Перлштейн, а на драгоценную фамильную брошь, с которой она не расставалась.

«Одна, две, три, четыре... восемнадцать». У Хасана появилась привычка считать жемчужинки в этой броши, пока миссис Перлштейн проверяла его домашнее задание.

Он оказался прилежным учеником, схватывал на лету.

Уроки у миссис Перлштейн продолжались до 1943 года, когда Хасан одновременно с Ари «окончил школу». В тот же год наметилось охлаждение в дружбе: Ари сошелся с некоторыми одноклассниками, а Хасана сразила наповал юная бе-дуинка по имени Далия, которая угнала у Дарвиша его лю-

бимого скакуна Гануша.

Глава 3. Никудышная бедуинка

1940–1948

Хотя в те времена еще принято было сватать сыновей и дочерей, едва они появятся на свет, и заключать браки в пределах одного клана, союз между Хасаном и Далией родился из запретной любви. Хасан был потомком основателей Айн-Хауда, наследником огромных площадей возделанной земли, в том числе фруктовых садов и пяти обширных оливковых рощ. Далия же была дочерью бедуина, чье племя ежегодно разбивало лагерь близ Айн-Хауда, чтобы заработать во время сбора урожая.

Младшая из двенадцати дочерей, Далия росла своенравной и непокорной. Хотя ее жизнь и висела на конце безжалостного отцовского ремня, она нередко забывала о *хиджабе* и позволяла ветру плутать в копне своих волос. Она могла подоткнуть подол, чтобы удобнее было гнаться за ящерицей; традиционные бедуинские узоры на ее верхнем платье – *саубе* – нередко блекли, измазанные глиной, или вовсе портились от кактусовых колючек. Словом, так, как Далия, хорошие девочки себя не вели. Случалось, она забывала вытряхнуть из торбы найденных за день неведомых жуков; тогда мать задавала ей трепку. Ну и что ж? Это дитя природы всегда возвращалось к неподобающим забавам. Далия обо-

жала возиться со своими шести- и восьминогими секретиками, пока не появился другой секрет – большой, четвероногий, по имени Гануш.

Хозяин Гануша (Далия знала, что юнца звать Дарвишем, а отец его – Яхья Абульхеджа) предложил ей прокатиться верхом, когда случайно встретил среди холмов.

Далия не могла принять приглашение. Как она сядет рядом с юношей? Если отец дознается, порка ей обеспечена.

– Нет, – сказала Далия, непреклонная, как любая одиннадцатилетняя девочка.

Но, лишь только она ответила отказом, ее личико смягчилось, выразив «даже не знаю». Тогда заговорил Дарвиш:

– Я буду счастлив просто идти впереди коня.

На тебя даже не оглянусь – клянусь честью.

Казалось, этому юноше можно верить; притом же на целые мили вокруг не было ни души. Далия обвела взором нагорье, погруженное в тишину, и без задней мысли спросила:

– Как я сяду на коня?

– Я тебе покажу, как надо, а потом спешусь и отвернусь.

Гануш не взбрыкнул под хрупкой фигуркой и спокойно пошел вперед. Далии вдруг стало жутко: а что, если она теперь – пленница; может, этот юнец увозит ее? Она потребовала остановить коня, прыгнула и убежала.

Через несколько недель она вернулась на то самое место и стала ждать, не появится ли восхитительный четвероногий секрет. И он появился, вместе с Дарвишем, и Далия вновь ис-

пытала волшебное чувство. Тайные верховые прогулки длились два с лишним года; Далия выучилась сама править конем. Дарвиш выполнил бы все, о чем бы она ни попросила – если бы она только попросила. За все это время, если не считать первого дня, они не обменялись ни словом. Дарвиш, заведя Далию издали, отводил глаза, чтобы не выказать непочтительности, вообще отворачивался и держал Гануша, пока Далия поднимала платье, под которым были шальвары, запрыгивала коню на спину и мчалась прочь. Дарвиш ждал ее возвращения, и ритуал проделывался в обратном порядке.

Селянам Далия казалась дикаркой, кочевницей, рожденной из поэзии бедуинов и ярких красок их костюмов, а не существом из плоти и крови. Были в Айн-Хауде и те, кто считал Далию одержимой шайтаном; ее мать, дескать, должна обратиться к *шейху*, чтобы тот прочел над девчонкой суры Корана. Впрочем, большинство жителей селения полагали, что Далия перерастет свое озорство.

Однако в конце концов все сошлось на том, что нрав Далии нужно сломить. Ей почти сравнялось четырнадцать – самое время избавиться от детской беспечности.

– Если надо, так и поколоти ее, главное, чтобы она усвоила урок, – сказала матери Далии одна из соплеменниц. – Ты только глянь, как она ест апельсин! Ведь это срам для всей семьи. Вон, все юноши на нее вытаращились.

Так относились к Далии в селении. Женщин коробило уже одно только позвякивание ее ножных браслетов. Притом –

что гораздо хуже – Далия была неуязвима для всеобщего недовольства. Полное отсутствие смущения, которое словно бы сочилось из пор ее кожи, облаком воспаряя над ее черно-волосой головкой, вызывало у селянок, да и у берберок, мысли о невозвратимом блаженстве, отвергнутом когда-то ими самими. В своей первозданной безмятежности Далия была желанна – тем более желанна, что не подозревала об этом.

Однажды, когда утомленные сборщики оливок устроили передышку, Далия угнала Дарвишева скакуна, за что в глазах Басимы стала нечестивицей и бесстыжей воровкой. И точно такого же мнения придерживались бы насчет нее остальные селяне, если бы она не упала и не сломала лодыжку. Вышел скандал, в результате которого на Далию обратил свои взоры Хасан. Селение гудело, словно пчелиный улей. Дарвиш подумывал вступить за Далию, зная, впрочем, что тогда наказание для нее будет еще суровее. Отец Далии, считая себя опозоренным, объявил, что раз и навсегда сокрушит ее непокорство. Чтобы восстановить свое доброе имя, он вынес на сельскую площадь стул, привязал к нему младшую дочь, раскалил на огне кусок железа и заклеил им правую ладонь Далии – ведь девочку вынудили сознаться, что именно правая рука вершила бесчестье кражи.

– Эта рука, говоришь? Давай ее сюда – будет знать, как воровать!

Далия вытянула правую руку.

– А если пикнешь, я и на левой клеймо поставлю, – при-

грозил отец и обернулся к зрителям, ища поддержки.

Далия не издавала ни звука все то время, пока раскаленный металл жег кожу ее ладони. Толпа любопытных затаила дыхание.

– До чего ж эти бедуины жестокие, – вырвалось у одной из селянок.

Несколько человек стали просить пощады для девочки именем Аллаха, ведь Аллах – *ар-Рахман* – милосерден. Но ведь мужчина должен быть хозяином в своем доме, разве не так?

– Я не потерплю на своем честном имени ни единого пятна. Отойдите, я в своем праве, – сказал бедуин как отрезал.

С этим поспорить было нельзя. *Ля хауля ва ля кувата илля биллях.*

Далия не выдала, что ей больно; омерзительный запах паленой плоти так и не выветрился из ее души, где чернело отныне внутреннее клеймо. Кучкой пепла под густо-лазурным небесным куполом остались лежать в тот день тайное участие Далии в малых делах Природы, взаимные ласки ее волос и ветра, звон монет на ее ножных браслетах, сладкий запах, что во время работы сочился из ее пор, цыганская пестрота ее одежды. Если бы Далия исторгла стон, жар металла, глядишь, и не проник бы так глубоко. Но она не издала ни звука.

Она заметила кролика и пригвоздила его взглядом к месту, заодно обездвигив и себя. Она схватила боль и удерживала ее: зубы сжаты, слезы катятся по щекам. До конца

жизни Далия сохранила привычку тереть, стиснув челюсти, клейменую ладонь кончиками пальцев правой руки; со стороны казалось, будто в ладони у нее живое существо, которому она не дает ускользнуть.

* * *

Стойкость юной бедуинки встревожила Басиму. «Этой девчонке не войти в мой дом», — решила она, когда заметила, что взгляд Хасана следует за Далией, хлопчет ли та возле своего шатра или работает в поле.

В представлении Басимы, Далия была «никудышная»; во-рвалась, как вихрь, в их мирное селение, и чего только не на-творила! Увы, старший сын только подтвердил худшие опасения, не устояв перед вызывающей красотой норовистой бедуинки и надумав взять ее в жены.

С решимостью, которой он отличался всю жизнь, вооруженный неохотно данным отцовским благословением, Хасан сообщил матери о своем намерении.

— *Юмма*, женитьба ведь не грех, — сказал он примирительно.

— Нет, нет, нет, нет, нет!

Басима разбушевалась. Она устроила настоящий скандал: заламывала руки, пыталась рвать на себе платье; взывая к Аллаху, била себя в грудь и хлестала по щекам. Говорила, что унижена, и проклинала день, когда «эта бедуинка» сту-

пила на землю селения Айн-Хауд. Как, спрашивала Басима, она сообщит родне о неповиновении сына, который уже сговорен с ее племянницей, своей двоюродной сестрой? Ведь это стыд и позор!

– Ай, Абу Хасан, что о нас люди скажут? – обратилась Басима к мужу.

Яхья попытался урезонить ее.

– Смирись, *Умм Хасан*. Наш сын стал взрослым. Нельзя принуждать его.

Но Басима гнула свое, словно муж ничего и не говорил.

– Выходит, наше слово – звук пустой? Мы сосватали девушку, а теперь потакаем сыну, который ослушался нас? Какой грех содеяла моя невинная племянница, если ее отвергли ради грязной бедуинки, этой воровки?

– Такова воля Аллаха. Прими ее, женщина! У нас тут сионисты совсем распоясались, а ты бесишься потому, что твой сын хочет посватать красотку, которая тебе не по нраву. Ты что, новости не слушаешь? Каждый растреклятый день сионисты убивают британцев и палестинцев! От британцев они избавляются, чтобы затем известить нас – а никому и дела нет, никто будто не видит опасности.

Яхья взял свои трость и нэй и поспешно вышел, сам себе противный из-за страхов, которые нарастали в нем с каждым террористическим актом, совершенным той или иной сионистской группировкой. («И ведь до зубов вооружены; когда, спрашивается, успели экипироваться?») О таких актах

Би-би-си сообщала чуть ли не ежедневно.

Присев на мраморную ступень крыльца, Яхья выдохнул первые аккорды из своей бесценной флейты. Его пальцы затрепетали, лоб разгладился. Яхья играл для своих рощ, желая воскресить безыскусное умиротворение.

– Прекрати!

Во внутреннем дворике, который Яхья сам спроектировал и сам же выложил плиткой, возникла негодующая Басима.

– Скоро я эту дудку изломаю, – процедила она так, чтобы не слышали соседи, и удалилась в тайном страхе, что перешла границы дозволенного.

Продолжая бубнить себе под нос, Басима ступала по персидским коврам гостиной с изразцовыми арками. Вот она оказалась в спальне, где с трудом согнула ноги в коленях и опустилась на подушку. Яхья много лет назад хотел купить диваны, как у британцев, но Басима воспротивилась. Теперь она жалела об этом – садиться на диван куда легче.

Все еще на взводе, она развернула молитвенный коврик. Совершив два *ракаата*, она немного успокоилась; по пути на кухню (опять же по персидским коврам, расстеленным на мраморном полу), поглядывая на сине-зеленые узоры, выложенные из плиток мужем, она думала: «Пусть он упрям, но зато истинный художник». Ай, Яхья, ну как же, как ты согласился на это сватовство!

Сколько Басима ни молила, сколько ни сыпала проклятиями, сына она разубедить не смогла. Один только Дарвиш

понимал, почему старший брат в своем упорстве не считается с матерью, ведь Дарвиш тоже любил Далию. И, когда родители отправились сватать ее, Дарвиш плакал, обнимая своего обожаемого Гануша и Фатуму, арабскую кобылу с белой звездочкой во лбу.

Отец Далии согласился; он вздохнул с облегчением, довольный, что сбудет с рук младшую дочь. По обычаю, через два дня доставили свадебные подарки для невесты. В тот день Далия, стоя у затянутого сеткой отверстия в стене шатра, смотрела, как приближается к дому процессия, несет деньги и золото. Девушку впечатлила не столько роскошь даров, сколько тот факт, что среди других мужчин шагал Дарвиш.

Ее мнение ничего не значило, хотя сама перспектива получить новый статус – *аруса* – привлекала Далию (так маленькие девочки любят одеваться по-взрослому); только Далия предпочла бы видеть женихом Дарвиша.

В день свадьбы родственницы – мать, тетки, замужние сестры, как родные, так и двоюродные – избавили от волосков и отполировали буквально каждый дюйм тела Далии. На ее лодыжки, бедра, предплечья, живот и ягодицы полоску за полоской наносили сахарную пасту *аида*, а затем резко срывали. Далия вертела головой, желая видеть, как ловкие руки выдирают очередную «рощицу», пронзая все тело словно бы электрическим разрядом. Больше всего было удалять во-

лосы на лобке. «Не бойся, дочка, так надо», – сказала мать, раздвигая ноги Далии.

Бисмилляхи-р-Рахмани-р-Рахим. Уверенно и сноровисто, как заправская повитуха, матушка разом выдернула все лобковые волоски (они проклюнулись совсем недавно, и Далия ими страсть как гордилась). От боли она вскочила на ноги. Сестры, тетушки и кузины добродушно засмеялись.

– Тише, милая. С возвращением в мир женщин.

Тут одна из тетушек заметила влагу на бедре Далии.

– Взгляни, сестра! Твоя младшенькая, кажется, хорошей женой станет!

Последовал новый взрыв смеха. Далия безропотно наблюдала, как преображают ее тело.

Перед зеркалом, так, чтобы ей было видно, ее глаза обвели сурьмой, и детское личико сразу получило женскую обольстительность.

Теперь она – *аруса*, а это статус, вокруг которого строится арабская культура. В тот день на Далию во все глаза глядели маленькие девочки; вот так же и она недавно тарасилась на других невест.

Отягощенная дарами жениха, что поблескивали на ее груди и лбу, позвякивали в ушах, на запястьях и лодыжках, четырнадцатилетняя Далия стала женой Хасана Яхьи Абульхеджа. Свадьбу сыграли пышную. Грандиозность церемонии была той же, что жестокость отца невесты, ядовитая непримиримость Басимы и тоска Дарвиша.

Малолетняя *аруса*, украшения которой составляли половину ее веса, не проявляла эмоций, знай только терла правую ладонь. Даже когда родня принялась поздравлять ее поцелуями, Далия не разжала стиснутых зубов. Мужчины сначала праздновали отдельно от женщин – закололи жертвенного барашка, танцевали, пели, музицировали – всячески веселились. Когда заиграли *дабку*, Дарвиш возглавил процессию танцоров; он громко поздравлял новобрачного. Братская любовь, тайная печаль и покорность воле Аллаха были в его раненом сердце.

– Ты на очереди, если будет на то воля Аллаха, – сказал растроганный Хасан, обнимая брата.

– *Иншаллах*, – отозвался Дарвиш.

Через десять месяцев после свадьбы Далия снискала расположение селян, родив мальчика. Она дала ему имя Юсеф. Таким образом, уже с пятнадцати лет Далию стали почтительно называть *Умм Юсеф*, а Хасана – *Абу Юсеф*.

Что касается Басимы, она смягчилась к невестке еще до рождения внука. Басима невольно восхищалась усердием Далии в ежедневных заботах, сноровкой, с которой юная женщина помогала своей матери-повитухе принимать роды, а также явным счастьем Хасана. Было решено женить Дарвиша на отвергнутой племяннице, что спасло честь Басимы и всей семьи.

Неопытность Далии пробудила в Басиме заботливость – ей захотелось ввести невестку-бедуинку в мир материнства,

научить ее улавливать ритмы при кормлении грудью и лечить младенческие колики. Басима открыла невестке и другие секреты – как вернуть телу упругость и остаться желанной для мужа после родов.

– Ничего не поделаешь – груди отвисают, бедра становятся рыхлыми, – наставляла Басима. – Но есть волшебное средство – оливковое масло.

Ее глаза сужались, поблескивали заговорщицки, когда она, подсев к Далии поближе, нашептывала ей собственные рецепты чудодейственных бальзамов.

– Это наши женские тайны, я их тебе одной открываю, да вот еще, *иншалла*, жене Дарвиша открою – своих-то дочерей Аллах мне не дал; что ж, Ему лучше знать.

У Басимы был аптекарский садик, куда она ходила с невесткой, до дрожи довольная, что теперь есть кому оставить это царство зачарованных трав. Готовить снадобье от Хасановой астмы она выучила Далию еще раньше.

– Без оливкового масла мы, женщины, шагу не ступим, – шептала Басима. – Накроши в масло мяты и базилика и растирайся им – увидишь, какой упругой станет кожа, как заблестят волосы.

И вот, пока одна наставляла, а другая внимала, эти женщины научились любить друг друга. Между свекровью и невесткой возникла беспримерная привязанность – не слабее той, что бывает между матерью и дочерью.

Через десять месяцев после Юсефа у Далии родился мерт-

вый ребенок. Это горе она переживала наедине с собой, стиснув зубы, не выдавая жестокой внутренней лихорадки. Отдельные селянки, желая подольститься к Басиме, хотели превратить трагедию в доказательство никчемности Далии.

– Ничего удивительного, – сказала одна такая интриганка. – Всем известно, что бедуины занимаются черной магией. Иначе как девчонка вроде Далии сумела заполучить в мужа такого парня, как Хасан?

– Вон из моего дома! – процедила Басима, вытолкав злоязычную. И пошла в комнату невестки. – Хватит убиваться, Далия, деточка. Мы посадим новые розы, и это будет новое начало, – увещевала она, сама при этом успокаиваясь и преодолевая скорбь.

Через три года, когда оливы роняли свою серебристо-зеленую листву, неподалеку от Айн-Хауда разорвалась бомба.

– Проклятые сионисты! Чего им от нас нужно? – стенала Басима, глядя на столб дыма, мужнины страхи теперь стали и ее страхами.

Тревога словно спеленала ее сердце, перевязала тугим узлом. Голова Басимы закружилась, ноги подкосились; она упала среди розовых кустов, схватившись за правое плечо. Она была еще жива, когда подросла Далия – как раз вовремя, чтобы услышать последние слова свекрови:

– *Бинти, бинти.*

Дочка, дочка.

После смерти Басимы заботы о розарии взяла на себя Да-

лия. Она скрещивала разные сорта ради изменения аромата и цвета, как научила ее Басима; она расширила розарий, а на могиле свекрови посадила красные розы с белыми ободками – сорт, которым особенно гордилась Басима. Один день в неделю она посвящала обихаживанию могилы и обязательно брала с собой на кладбище Юсефа. Второй сын Далии, Исмаэль, который родился несколько месяцев спустя, совершал паломничество к бабушкиной могиле, подвешенный у материнской груди на черном шарфе.

Поскольку террористические акты сионистов участились, Далия теперь оставляла мальчиков в деревне, где было безопаснее, под присмотром кого-нибудь из родни, а сама старалась поскорее вернуться. Однажды, пока она возилась с розами, произошел несчастный случай, в результате которого Исмаэль навсегда остался со шрамом на лице. У каждого в семье была своя, далекая от истины версия, как именно малыш поранился. Юсеф, единственный свидетель, упорно молчал, даже когда к нему подступали с расспросами.

Юсефу тогда пошел пятый год, Израиль как государство еще не родился, а Исмаэлю было шесть месяцев. В тот день малыш капризничал, хныкал в той самой колыбели, что когда-то баюкала его отца – по настоянию Басимы, Далия укладывала детей именно в эту колыбель, которая, пусть старая, даже ветхая, была в свое время благословлена одним сирийским шейхом, известным способностью исцелять больных и творить чудеса. Когда Далия забеременела Исмаэлем, Баси-

ма собственноручно приколотила гвоздиками новые кедровые перильца взамен старых.

Басима также купила новое белье и сменила набивку тюфяка. И вот, когда Далия уже шла обратно с кладбища, Исмаэль особенно раскричался, и Юсеф стал тащить его из кокона вышитых белых одеялец (вышивка, начатая Басимой, так и не была закончена). Маленький Юсеф не рассчитал свои силы, притом братишка отчаянно рвался из его ручонков. В общем, Юсеф его уронил. Падая, Исмаэль задел щекой торчавший гвоздь, и рваная рана прошла вверх, к виску, обогнув правый глаз.

Материальным напоминанием о том дне стал довольно глубокий шрам; ему суждено было навек пометить лицо Исмаэля, и он же в конце концов должен был привести его к истине.

Глава 4. Когда они ушли

1947–1948

Вскоре после свадьбы Хасана и Далии уехал Ари Перлштейн – начиналась его учеба в медицинском университете. Но, хотя пути друзей разошлись, Хасан и Ари держали связь. Например, после смерти Басимы Ари отпросился с занятий и примчался в Айн-Хауд, чтобы вместе с другом оплакивать его маму.

Перевалил за середину солнечный, прохладный до звонкости день. Хасан и Ари вышли из дома, где траур обосновался на следующие сорок дней. Суры Корана, вгоняющие в транс, слышались все менее отчетливо по мере того, как Хасан и Ари удалялись к оливковым рощам.

– Ситуация ужасная, Хасан, – заговорил Ари. – У сионистов несметное количество оружия. Каждый день причаливают суда, битком набитые евреями, и среди них сионисты набирают бойцов; уже много набрали. Вы тут в неведении пребываете, Хасан. А у них есть бронемшины и даже самолеты.

Хасан обвел взором землю, которую ему надлежало унаследовать. Подумал: «Урожай нынче знатный будет». Над оливами нэй вознес свой голос, и Хасан инстинктивно обернулся в сторону кладбища, прищурился: не там ли его отец?

Никого. Только мелодия, словно бы выточенная из тишины и наполненная тишиной, только стенания нэя.

– Они захватят землю, – продолжал Ари. – Они уже внедряют в общее сознание лозунг «Палестина без палестинцев»; по всему миру внедряют, Хасан! Они превратят страну в сугубо еврейское государство.

– Мой отец уж сколько лет говорит, что дело к этому идет, но мне всегда казалось, что он сгущает краски.

– Нет, не сгущает. В ноябре состоится заседание ООН; никто не сомневается, что речь пойдет о разделе Палестины. Они – сионисты – прекрасно организованы как армия; арабы же, сам знаешь, разоружены британцами после восстания¹. В Иерусалиме ортодоксальные евреи ведут антиссионистскую кампанию, говорят, что это будет святотатство, если Израиль как страна обретет «материальность»².

Но в Штатах влиятельные лица гнут другую линию – все силы бросили на то, чтобы убедить Трумэна признать и под-

¹ Имеются в виду события 1936–1939 гг., спровоцированные не столько увеличением доли еврейского населения в Палестине, сколько рядом мер экономического характера, в результате которых палестинские арабы-земледельцы терпели большие убытки. В частности, вновь прибывшие в Палестину евреи активно скупали землю – собственность крупных землевладельцев-арабов, которые сами жили за границей, а землю сдавали в аренду. Эти арендаторы, оставшись без земли, стремительно беднели. Процесс проходил на фоне мировой депрессии. *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

² Ортодоксальные евреи видят в многовековом изгнании еврейского народа божественную волю, идти против которой, создавая свое государство, – страшный грех.

держат еврейское государство — здесь, на этой земле.

Ари говорил с искренним негодованием.

— А тебе самому нравится эта идея — насчет еврейского государства в Палестине? — спросил Хасан, сжав пальцами оливку, чтобы оценить будущий урожай, который собирают именно в ноябре. Мелькнула мысль: «Глядишь, в страду отец душой воспрянет».

— Не знаю, Хасан. — Ари сел на камень, избегая глядеть другу в лицо, он просеивал пыль сквозь пальцы. — Я — еврей. То есть, по-моему, это неправильно. Но ты ведь не представляешь, как было раньше. — Голос Ари задрожал. — То, что произошло, убило нас, хоть физически мы и спаслись. Ты замечал когда-нибудь, какие пустые глаза у моей матери? Ее душа мертва. С отцом то же самое. Хасан, ты вообразить не можешь, каково нам пришлось. Мы и сейчас не уверены, что находимся в безопасности. Отец не сомневается, что сионисты и иже с ними задумали дурное, и не желает в этом участвовать.

Но отныне здесь стало опасно и нам. Есть слух, что британцы скоро покинут страну. Если так, значит, раздел Палестины неизбежен. Решено сделать эту землю еврейским государством. Впрочем, если арабы примут это решение, все будет хорошо, мы сможем ужиться.

Хасан сел на землю подле Ари.

— Ты ведь только что сказал, что им нужно сугубо еврейское государство.

– Ну да. Просто я думаю, что они позволяют арабам остаться... – Ари прикусил язык, но было поздно.

– Иными словами, эти иммигранты позволяют мне остаться на моей собственной земле? – Голос Хасана зазвенел.

– Хасан, я не то имел в виду. Ты мне как брат. Для тебя и твоих близких я все сделаю. Но то, что случилось в Европе...

Продолжение не понадобилось: оба друга насмотрелись кинохроники из лагерей смерти.

Хасан стиснул между пальцами вторую оливку, словно пытаясь перехватить слова Ари, зависшие в воздухе подобно зловонию предательства.

– Ключевое слово – Европа. Это Европа содеяла, Ари, а не мы, арабы. Евреи жили здесь испокон веков. Именно поэтому их так много сейчас, не правда ли? Мы-то думали, они спасения ищут в Палестине, бедняги, просто жить хотят – а они оружие копили, чтобы выгнать нас из наших собственных домов.

Хасан говорил резко, но настоящей обозленности в нем не было – он понимал боль друга, поскольку читал и о газовых камерах, и о прочих кошмарах концлагерей. Что до глаз миссис Перлштейн, Ари не преувеличивал: Хасану и самому казалось, что жизнь давным-давно покинула эти глаза. «Одна, две, три... восемнадцать хорошеньких жемчужинок».

С мыслью о неизбежном конфликте Хасан произнес:

– Если арабы возьмут верх в Старом городе, беги с родителями к моей тетушке Сальме. Адрес ты знаешь. Дом про-

сторный, есть где укрыться.

«Иргун», «Хагана», «Банда Штерна». Британцы называли их террористами. В устах арабов они – яхуды, евреи, сионисты, псы, сыны блудниц, падаль.

Новое поколение иудеев зовет их Борцами за свободу, Господними воинами, Спасителями, Отцами и Братьями. Но как ни нареки, а факт есть факт: они были хорошо вооружены, превосходно организованы и первоклассно обучены. Идеей фикс у них было избавление от нееврейского населения – сначала от британцев, которых они линчевали и бомбили, затем от арабов, которых они изгоняли с земли, в чьих селах устраивали резню и теракты. Не слишком многочисленные, они внушали такой ужас, что весь 1947 год палестинцы изнемогали от медленной отравы – впрыснутого в их сердца предупреждения: мол, историческая справедливость грядет. В сорок седьмом и сорок восьмом они являлись в Айн-Хауд минимум четыре раза – а ведь Палестина была еще подмандатной территорией Британской империи.

Первая атака случилась 12 декабря 1947 года, в еврейский праздник под названием Ханука. От взрыва содрогнулся воздух; Далия с воплем бросилась бежать с кладбища. Хасан поспешил домой, едва услышал взрыв. Не найдя жены, он ринулся к кладбищу и перехватил Далию на полпути. Она приникла к нему, повторяя: «Евреи идут! Евреи идут!»

Над соседним селением, Аль-Тира, поднимались клубы дыма; жители Айн-Хауда, вне себя от тревоги, спешили на

площадь, желая понять, насколько близко горит, а Хасан вел домой свою жену. Он уложил ее на кровать, отер кровь с ее ног.

– Что именно произошло? – спросил он, осматривая рану на лодыжке.

– Я розы подрезала на матушкиной могиле, – отвечала Далия; ее дыхание было затруднено. – Вдруг как гроыхнет, а из преисподней лапа вылезла, чтоб меня туда втащить. А я все бегу, бегу... Наконец они – эти, адские, – от меня отстали...

Вошел Яхья с перепуганным Юсефом на руках.

– Все в сборе? Дарвиш побежал проверить, как там кони; его жена нянчит Исмаэля. Откуда здесь кровь?

Едва ли не больше всего на свете Юсефа страшил вид крови. Мальчик заплакал, повторяя:

– Мама, мамочка!

Далия взяла сына на руки, поцеловала в макушку.

– Это просто царапина, мой маленький герой.

– Пойду посмотрю, что там стряслось, – произнес Яхья и покинул комнату.

– Мама, а где твой браслет? – спросил Юсеф.

– Я его потеряла.

– Значит, ты больше не будешь звенеть! Как же я узнаю, что ты идешь?

– Ничего – второй-то браслет цел. – Далия пошевелила ногой.

Яхья вбежал обратно.

– Да проклянет Господь этих евреев! Их там целая банда; прикатали на грузовике, спрятали его в оливковой роще аккуратно над кладбищем, бросили взрывчатку в один из домов в Аль-Тире – и бегом к своей машине. Наверняка они видели Далию; счастье, что в плен не взяли. Одному Аллаху ведомо, что они могли с ней сотворить.

Яхья себя не помнил от гнева – ходил взад-вперед по комнате, размахивая руками, и его резкие жесты были так же выразительны, как голос, срывавшийся на крик.

– Нам оружие нужно, треклятое оружие! И чем, спрашивается, заняты армии арабских стран, когда эти псы взрывают наши селения одно за другим? Да что мы вообще плохого сделали этим сынам блудниц? Чего они от нас добиваются?

Яхья вскинул руки и резко опустился в кресло. Как бы признавая себя побежденным и готовым ждать, он откинулся на спинку и поднял взор к Господу.

– Предадим же этих псов в мудрые руки Аллаха, – заключил он и встал.

Он вышел под собственный шепот *«Хасбийя-л-Лаху ва ни'ма-ль-Вакиль»*; известно, что эти слова отводят зло. Но на помощь жителям Аль-Тире он не отправился. *«Хасбийя-л-Лаху ва ни'ма-ль-Вакиль»*. Совершенно так же, как арабские государства, проклинаемые им за бездействие, Яхья не бросился выручать соотечественников, ибо тешился тайной надеждой: евреи пощадят его селение, если жители Айн-Хауда

не станут вмешиваться в их дела в Аль-Тире. Яхья вообразил, будто искреннее предложение мира гарантирует жизнь его родным, соседям, ему самому.

– Баба, а евреи и нас тоже станут бомбить? – пролепетал Юсеф, своим вопросом пронзив отцу сердце.

– Аллах защитит нас, сынок. А ты с мамой и братишкой еще и под особой, моей защитой, – заверил Хасан, глядя на Далию.

Глаза его вмещали целый океан супружеской любви. Вот уже пять лет они были женаты, но лишь теперь, под обещание, данное Юсефу мужем, который гладил ее раненую ногу, Далия поняла, как глубока ее любовь к этому человеку.

Менее чем через две недели после взрыва в Аль-Тире была устроена резня в другом палестинском селении, Балядаш-Шейх. Вредоносные ветры этой атаки недвусмысленным предупреждением пронесли по улицам Айн-Хауда. При каждом известии об очередном бесчинстве страх за свое будущее плотнее сжимал сердца селян. Предвидя нападение и на Айн-Хауд, женщины собрали инжир и виноград в незрелом виде, часть высушили, из другой части приготовили сиропы. Они также мариновали овощи, готовясь выдержать долгую осаду под прицелом невидимых снайперов.

В мае 1948 года британцы покинули Палестину, и еврейские иммигранты, поток которых не прекращался, объявили на весь мир о создании еврейского государства. Не Палестиной отныне звалась эта земля, а Израилем. Однако селение

Айн-Хауд почти прилегало к трем другим селениям, входя в этакий непокоренный треугольник внутри нового государства, так что судьбы его жителей были неотделимы от судеб еще двадцати тысяч палестинцев, которые упорно держались за свои дома. Эти люди отражали атаки и требовали перемирия; желание у них было только одно – остаться на своей земле, жить как прежде. Ведь они вытерпели владычество многих – и римлян, и византийцев, и крестоносцев, и османов, и британцев; национальность захватчика значила не так уж много. Верность Аллаху, земле и семье – вот что составляло смысл существования этих людей, и защищали они Аллаха, землю и семью.

В конце концов, о перемирии было объявлено, и в Айн-Хауде облегченно вздохнули.

– Мы устроим пир для евреев. Угостив их на славу, мы выкажем дружелюбие и намерение мирно жить бок о бок с ними, – объявил Яхья от лица совета старейшин, при этом пожав руку хаджи Салема.

Это пожатие было как молитва двух давних друзей, как надежда, что оправдается решение, которое они приняли, переступив через себя.

* * *

Военные нового государства явились в темно-бежевой униформе, почти не проницаемой для солнечных лучей

знойного июля. Гирлянды из стручков острого перца шеле-стели под раскаленным ветром, позвякивала керамическая посуда, когда землю Айн-Хауда сотрясали шаги вооруженных израильтян, еще полных ликования от недавней победы. Солнце намертво вцеплялось в каждый предмет, до которого могло дотянуться, а восхитительные запахи баранины и кумина пытались просочиться сквозь пелену тревоги.

Юсеф, которому было уже почти пять лет, держась за подол материнского *сауба*, из-за бедра Далии глядел, как едят светлокожие чужаки в шлемах. Среди них был некто по имени Моше – человек, убежденный, что исполняет миссию самого Господа Бога. Моше угощался, а сам следил за Далией – она подавала яства, держа на груди на длинном шарфе Исмаэля, в то время как Юсеф путался у нее под ногами. Взгляд Моше то и дело возвращался к этой женщине, слух вычленил из прочих звуков мелодичное позвякивание ее ножного браслета.

Солдаты ели молча; так же молча они ушли, когда насытились. Шлейф оскорбления, нанесенного хозяевам, тянулся за ними. Весь остаток дня, до того, как лечь в постель и начать томиться бессонницей, жители Айн-Хауда – кто группами, кто поодиночке, но все в легкой лихорадке – в молитвах вверяли себя Аллаху, ведь безмолвие пришельцев было расценено ими как дурной знак. Наутро двадцать четвертого июля Израиль устроил массированный артобстрел непокоренных селений, поддержанный бомбардировками с воз-

духа. Агентство Ассошиэйтед Пресс сообщило, что израильская авиация и артиллерия нарушили перемирие ничем не спровоцированной атакой. Снаряды так и сыпались с неба, а Далия, с онемевшим от страха Юсефом и вопящим Исмаэлем, бежала по улице, то и дело вжимаясь в стены домов.

Строениям в Айн-Хауде был нанесен большой ущерб; из всех сестер Далии выжили только две. Отец, заклеивший ее ладонь, сгорел заживо на той же самой площади. Считанные часы понадобились, чтобы мир перевернулся вверх дном, а Исмаэль выдохся от крика. Далия прижимала его к груди, хотя он был тяжеленький, – боялась хоть на минуту спустить с рук. Другие селяне тоже, как и она, бродили среди развалин, потрясенные до немоты. Спокойствие? Пожалуй, – да только гнилое внутри, без ярости, любви, отчаяния и даже страха. Далия обводила взглядом обугленную, мертвую землю, чувствовала зуд под левой коленкой, но не могла заставить себя дотянуться, почесать это место, хотя зуд заполнил ее сознание.

Когда начался авианалет, Хасан был на конюшне. Как только стало тихо, он бросился искать своих и скоро увидел Далию. Застывшая поза, немигающий взгляд, безмолвие жены, ее руки, намертво сомкнувшиеся на спинке Исмаэля, внушили ужас Хасану.

– Далия! – закричал он еще издали.

Она не шелохнулась.

Хасан подбежал к ней, и тут сердце подвело его – он почти упал на колени в пыль, туда, где Юсеф, еле удерживаясь на дрожащих ножках, цеплялся за материнский подол.

– Баба! – выкрикнул мальчик, ободренный появлением отца.

Услыхав его голосок, Далия сморгнула.

– Иди ко мне, *хабиби*.

Хасан взял сына на руки и поднялся с колен. Далия по-прежнему сидела без движения. Юсеф, тоже потрясенный, не сразу сумел обнять отца за шею, а когда ему это удалось, Хасан понял, что штанишки мальчика мокры от мочи и испачканы фекалиями.

– Дарвиш! *Йаба!* – закричал Хасан, призывая брата и отца на помощь, но первым подоспел хаджи Салем.

– *Хасбийя-л-Лаху ва ни'ма-ль-Вакиль*. Господь проклянет их за это. Господь отправит евреев в ад.

Фраза была произнесена шепотом, поскольку при виде Далии только так и мог говорить хаджи Салем.

– Хасан, она себе зубы переломает, если будет так их стискивать. Дай мне сына, займись женой.

Однако забрать Юсефа не вышло. Мальчик зажмурился, вцепился в Хасана. Его ручонки и ножонки, его страх и перепачканные штанишки словно вросли в грудь отца – Хасан воплощал в себе само спасение. Тут подоспел Дарвиш, и Хасан обратился к нему:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.